

Защитники Сталинграда сорвали и японские планы

В зарубежной литературе, посвященной истории Второй мировой войны, в том числе японской, довольно редко можно встретить упоминания о том, что в лето-осенью 1941 г. милитаристская Япония проводила активную подготовку к вероломному нападению на Советский Союз. И практически ничего не говорится о планах вступления в войну на стороне гитлеровской Германии в 1942 году. Причина этого состоит в стремлении «доказать» нейтралитет Японии, который она обязалась соблюдать по соглашению с Советским Союзом от 13 апреля 1941 года. А это в свою очередь используется для обвинения Москвы в нарушении в августе 1945 г. Пакта о нейтралитете с Японией и «захвате исконных японских территорий». Однако документы и факты опровергают создателей подобных фальсифицированных версий.

Нападение в декабре 1941 г. японской авианосной эскадры на военноморскую базу ВМФ США в Пёрл-Харборе и начало войны на Тихом океане не означали отказа японского военно-политического руководства от планов нападения на Советский Союз. Назначенное на 29 августа 1941 г. наступление на восточные районы Советского Союза было не отменено, а лишь перенесено на весну 1942 года.

Однако мощное контрнаступление советских войск под Москвой зимой 1941-1942 гг. заставило Токио серьезнее анализировать перспективы советско-германской войны и шансы на захват Восточной Сибири и

советского Дальнего Востока «малой кровью». 15 января 1942 г. император Японии Хирохито потребовал от начальника генерального штаба армии Х.Сугияма доклад о результатах советского контрнаступления. В своем докладе Х.Сугияма отметил: «СССР, сохранив около 40 процентов своей промышленной мощи, последовательно восстанавливает производство, и мы не должны недооценивать его». Затем, 22 января, отвечая на вопрос императора о сроках проведения операций против СССР, Х.Сугияма заявил, что, по его мнению, «в настоящее время, до лета сего года, нецелесообразно проводить наступательные операции на севере».1 Тем не менее, подготовка сухопутных сил империи к выступлению против Советского Союза продолжалась. Несмотря на начало войны на юге, военно-морской флот Японии сохранял созданную для боевых действий против СССР группировку сил. Они были сведены в 5-й флот, который базировался в районе северного порта Оминато.2

Выделенные для войны на советском Дальнем Востоке и в Сибири японские войска не включались в планы войны на юге. В обстановке войны против США и Великобритании и продолжения активных боевых действий в Китае Япония сохраняла для войны против СССР до 40 процентов дивизий сухопутных сил. Они размещались у советских границ в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах, а также в метрополии. Для участия в войне на севере выделялось около 50 процентов пехотных дивизий, 75-80 процентов кавалерийских частей, около 65 процентов танковых полков, половина артиллерии и авиации сухопутных сил.3

В то время, когда японская авианосная эскадра уже тайно выдвигалась к Гавайским островам, 3 декабря 1941 г. императорская ставка направила в Квантунскую армию приказ № 578, в котором указывалось: «Для обеспечения Империи ресурсами и создания нового порядка в Великой

Восточной Азии принято решение начать войну с США, Великобританией и Голландией. Предусматривается быстро провести наступательные действия в важных районах на юге и одновременно разрешить китайский инцидент (так в Японии именовали развязанную в июле 1937 г. войну в Китае. - А.К.); в это время не допускать войны с Россией».4 К приказу была приложена директива ставки № 1048, в которой ставилась задача Квантунской армии: «В соответствии со складывающейся обстановкой осуществить усиление подготовки к операциям против России. Быть в готовности начать боевые действия весной 1942 года».5

Война на юге, которую предусматривалось вести в основном силами военно-морского флота, не должна была оказать серьезного влияния на продолжении военных действий в Китае и подготовку армии к войне с СССР. При наступлении «благоприятного момента» на севере японское командование не исключало возможность войны на два фронта. В этом случае считалось, что главным будет не южное, а северное направление военных действий.6 Выделенные для войны против СССР войска не включались в планы войны на юге и готовились к войне на севере.

По плану японского генштаба решение о выступлении против СССР должно было быть принято в марте, а начало военных действий – в мае 1942 года. 10 января 1942 г. была издана директива № 1073, предписывавшая направлять на северный фронт части, высвобождавшиеся после операций на юге. Во исполнение этой директивы в первые месяцы 1942 г. японское командование усилило двумя дополнительными дивизиями Квантунскую армию, доведя ее численность до 1,2 млн солдат и офицеров.7

Президент США Ф.Рузвельт предупреждал о возможности скорого японского нападения на СССР. Посол СССР в Вашингтоне М.Литвинов телеграфировал 12 марта 1942 г. в Москву: «Американское правительство

получило сведения, что Гитлер сильно нажимает на Японию, чтобы та приурочила свое нападение на нас к его весеннему наступлению, но что Япония отвечает, что ей необходимо перевезти свои войска с Малайи и Бирмы».8

Сведения о том, что Германия прилагает большие усилия по вовлечению Японии в войну против СССР, поступали в Кремль и из других источников. Однако наряду с этим имелась и достаточно надежная информация о том, что «сотрудничество Японии с Германией далеко от совершенства».9 Хотя в докладе премьер-министра Японии Х.Тодзио (он же военный министр), начальника генерального штаба армии Г.Сугияма и начальника главного морского штаба О.Нагано императору от 13 февраля 1942 г. «О политике в отношении СССР в современных условиях» и говорилось о необходимости «дальнейшего укрепления с Германией и Италией», рекомендовалось «прилагать усилия к тому, чтобы во время операций против районов Южных морей всячески избегать войны с СССР». Вместе с тем в докладе отмечалось: «Эта политика, конечно, совершенно не означает отказа от проведения соответствующих военных приготовлений против СССР. Необходимо находиться в полной готовности к военным действиям, чтобы одержать решительную победу в кратчайшие сроки».10

Предупреждения американцев основывались на достоверных данных разведки. По расчетам японского командования шансы на успех в войне против СССР во многом зависели от того, будут ли дальневосточные дивизии переброшены на советско-германский фронт в европейскую часть Советского Союза. Однако эти надежды не оправдывались. В феврале 1942г разведывательное управление генерального штаба армии представило данные, согласно которым «переброска советских войск с востока на запад

не вела к ослаблению группировки Красной Армии, пополнявшейся за счет местных резервов».11

Еще в июле и августе 1941 г. с Дальнего Востока на западные фронты было переброшено несколько стрелковых бригад. Тогда это была небольшая часть сил Дальневосточного фронта. Однако по мере осложнения обстановки на московском направлении, несмотря на опасность японского вторжения, Ставка верховного командования была вынуждена перебрасывать для обороны столицы значительные силы. Летом-осенью 1941 г. на Запад было направлено из Дальневосточного и Забайкальского фронтов 12 стрелковых дивизий, 5 танковых дивизий, 1 моторизованная дивизия в общей сложности 122 тыс. человек, более 2 тыс. орудий и минометов, 2209 легких танков, свыше 12 тыс. автомашин, 1,5 тыс. тракторов и тягачей.12

Аналогичная ситуация повторилась летом 1942 г., когда немцы начали наступление на южном фланге с задачей выйти к Волге и захватить Сталинград. Тогда вновь потребовалась помощь дальневосточников и сибиряков. В июле-сентябре 1942 г. под Сталинград были переброшены 11 дивизий с Дальнего Востока и Сибири.

В связи с этим следует упомянуть умелую деятельность командующего Дальневосточным фронтом генерала армии И.Апанасенко. Он принял решение вместо уходящих на Запад частей и соединений ставить новые полки и дивизии, причем под прежними номерами, что вводило в заблуждение японцев, которые внимательно следили за передислокацией советских войск, стремясь установить момент наибольшего ослабления Дальневосточного фронта.13 По существовавшим в японском генштабе расчетам, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских,

кавалерийских, инженерных, железнодорожных и других частей на две трети. 14

Предпринятые генералом И.Апанасенко меры затрудняли японской разведке установление действительной численности Дальневосточного фронта и наличия в нем техники и вооружения. Тем не менее, надежда на то, что в критической ситуации советское командование все же перебросит большую часть дальневосточных войск на советско-германский фронт, сохранялась.

20 июля 1942 г. начальник оперативного управления генерального штаба С.Танака записал в своем дневнике: «В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942 – 1943 гг. целесообразно будет избегать решающих сражений, вести затяжную войну. Операции против Советского Союза в настоящее время проводить нецелесообразно».15 Не рекомендовал выступать на севере и посол Японии в Москве Ё.Татэкава.

С этим мнением не соглашались сторонники «уничтожения СССР с карты мира». Они продолжали считать советско-германскую войну редчайшим шансом отторжения от СССР его обширных и богатых ресурсами восточных районов с последующим включением их в состав японской колониальной империи, именовавшейся «Великой восточноазиатской сферой взаимного процветания». Японский «Институт тотальной войны» в феврале 1942 г. представил правительству стратегическую программу отторжения от СССР восточных районов страны. «В случае войны с Советским Союзом, - говорилось в ней, - использовать стратегическую обстановку на главных театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, нанести максимально сильный первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремясь к разрешению

военного конфликта в короткий срок, и затем, захватив важные районы, вести затяжную войну».16

Разработанные на 1942 г. генштабом армии оперативный план войны против СССР имел ярко выраженный наступательный характер. Являвшийся с 1940 по 1944 г. офицером оперативного управления генштаба Р.Сэдзима давал на Токийском процессе показания: «Как и предыдущие оперативные планы, план 1942 года был наступательным. По плану в Маньчжурии намечалось сосредоточить около 30 дивизий. Первый фронт состоял из 2-ой, 3-ей, 5-ой и 20-ой армий и имел задачу нанести главный удар в направлении Ворошилова (Уссурийска. – Прим. ред.). Эти четыре армии должны были одновременно провести решающее сражение в окрестностях Ворошилова. Во второй фронт входили 4-я и 8-я армии. Его задача состояла в наступлении на направлении Свободный – Куйбышевка с целью разгромить советские войска и перерезать железную дорогу». 17

Заместитель начальника штаба Квантунской армии Т.Мацумура свидетельствовал: «Генеральный штаб дал указание командованию Квантунской армии составить план операций против СССР (на 1942 г.) с общей целью оккупировать советское Приморье и уничтожить там авиационные базы. Направлением главного удара был определен Ворошилов. В указаниях генштаба Квантунской армии предписывалось вслед за оккупацией Приморья быть готовой к проведению последующих операций».18

Рассчитывая на успех развернувшегося в середине июля 1942 г. германского наступления на южном участке советско-германского фронта с целью прорваться к Волге в районе Сталинграда, японский генеральный штаб разработал более детальный план войны против СССР «Операция № 51». Согласно плану в операциях против советских войск на Дальнем Востоке

предусматривалось использовать в общей сложности 30 пехотных дивизий. Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию, в том числе дальнюю, и, добившись господства в воздухе, силами трех полевых армий (1-й фронт) прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении – южнее и севернее озера Ханка и захватить Приморье. Одновременно силами 2-го фронта (две полевые армии) надлежало форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении – западнее и восточнее Благовещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный – Завитинск, не допустить подхода подкреплений с запада. Осуществить операции предполагалось в течение двух месяцев.¹⁹

В соответствии с этим планом штаб Квантунской армии разработал график проведения операций против СССР весной – летом 1942 года:

- начало сосредоточения и развертывания войск – день x минус 5 дней;
- завершение развертывания – день x минус 2 дня:
- переход границы – день x ;
- выход на южный берег реки Суйфыньхэ (Пограничная) – день x плюс 8 – 10 дней;
- завершение первого этапа наступления – день x плюс 21.

Перед войсками Квантунской армии ставилась задача «опередить противника в подготовке к войне и создать положение, позволяющее по своему усмотрению нанести первыми удар в момент, благоприятный для разрешения северной проблемы».²⁰ Кантогун. Часть 2.С.93.

В 1942 г. в ожидании «благоприятного момента» нападения на СССР командование Квантунской армии форсировало разработку в подчиненных ему специальных секретных лабораториях запрещенных бактериологического и химического оружия. Летом 1942 г. на встрече с корреспондентами ведущих японских газет заместитель начальника харбинского отделения спецслужбы полковник Асаока заявлял: «Стратегия Квантунской армии в отношении СССР не изменилась ни на йоту... У меня нет ни малейшего намерения говорить абстрактно... Квантунская армия имеет реальную гарантию того, что война против СССР закончится успешно. Мы уже давно занимаемся разработкой нового оружия с целью применения его в военных действиях против СССР, и вот в последнее время, наконец, производство его налажено и в количественном отношении. Так что мы можем быть вполне удовлетворены... Теперь остается совершенствовать качество, но это вопрос времени».²¹ В ожидании приказа о начале нападения на Советский Союз были размножены географические карты советских дальневосточных городов с указанием населенных пунктов, водоемов и других объектов бактериологического нападения. Бактериологическое оружие планировалось применять в первую очередь в районе Хабаровска, Благовещенска, Ворошилова (Уссурийска) и других городов. «Фактически это была необъявленная бактериологическая война против СССР, которая велась под видом эксперимента, - пишет японский публицист С.Моримура. – Подобного рода эксперименты – и более крупные, и более мелкие по масштабу – проводились «отрядом № 100» постоянно».²²

Кроме того в японской армии были созданы многочисленные склады химического оружия, велась подготовка военнослужащих к его массовому применению по специально разработанным уставам и наставлениям. Химическое оружие планировалось широко использовать в ходе войны против Советского Союза.

В 1942 г. продолжалась разработка программ будущего разграбления советского Дальнего Востока и Сибири. В них особо оговаривалось: «Восточная Сибирь относится к той части земель, которые, естественно, должны быть включены в сферу Великой Восточной Азии по геополитическим соображениям... Кроме того, существуют глубокие экономические доводы относительно восточной части СССР». Так, в отношении намеченных к захвату советских территорий в «Программе тотальной войны первого периода. Строительство Восточной Азии» (раздел «Оккупированные районы и их важнейшие пункты») предусматривалось «удерживать позиции стратегического превосходства и принять безошибочные меры для овладения стратегическими ресурсами». Документ имел «приложение № 3», в котором перечислялись «важные пункты оккупации Восточной Сибири»:

1. Приморская область:

- а) Владивосток, Маринск, Николаев, Петропавловск и другие важные районы;
- б) стратегическое сырье: Тетюхэ (железные руды), Оха и Эхаби (нефть), Советская Гавань, Артем, Тавричанка, Ворошилов (уголь).

2. Хабаровская область:

- а) Хабаровск, Благовещенск, Рухлово и другие районы;
- б) стратегическое сырье: Умарита (молибденовые руды), Кивда, Райчихинск, Сахалин (уголь).

3. Читинская область:

- а) Чита, Карымская, Рухлово и другие районы;

б) стратегическое сырье: Халекинск (железные руды), Дарасун (свинцовые и цинковые руды), Гутай (молибденовые руды), Букачача, Терновский, Тарбога, Арбагар (уголь).

4.Бурят-Монгольская область:

а) Улан-Удэ и другие стратегические пункты.(Государственный архив Российской Федерации.23

В начале военных действий против СССР главной целью будущей военной администрации объявлялось «обеспечение бесперебойности снабжения армии». Затем предусматривалось «реорганизовать прежнюю плановую экономику, сделать упор на разработку естественных ресурсов, особенно добычу необходимых металлов и получение продовольственных ресурсов, переселить в оккупированные районы японцев, корейцев и маньчжуров, осуществить принудительное выселение местных жителей на Север».24

Однако планам превращения восточных районов нашей страны в японскую колонию не суждено было осуществиться. Ухудшение для японцев после поражения в июне 1942 г. в сражении за остров Мидуэй ситуации в войне на Тихом океане свидетельствовало о том, что вооруженная борьба на юге потребует концентрации всех сил империи. Не оправдались и надежды на успех немецкого наступления на южном фланге советско-германского фронта. Сталинградская битва завершилась сокрушительным поражением германских войск. С ноября 1942 г. по конец марта 1943 г. Красная армия разгромила 100 германских дивизий, или более 40 процентов всех сил, действовавших против СССР. Общие потери Германии и ее союзников на советско-германском фронте составили около 1,7 млн человек, более 3500 танков, 24 тыс. орудий и 4300 самолетов.

После Сталинградской битвы военно-политическое руководство Японии было вынуждено в очередной раз отложить свои планы нападения на Советский Союз. Подтвердились предсказания разведывательного управления японского генштаба о том, что СССР не покорится, и в 1942 г. стратегия выжидания наиболее выгодного момента, или, как говорили в Японии стратегия «спелой хурмы», не даст своих плодов.

Тем не менее, японское правительство продолжало угрожать восточным районам СССР нападением, что не позволяло советскому командованию использовать охранявшие дальневосточные границы войска и технику, которые были необходимы на советско-германском фронте. А силы эти были не малые. В готовности к отражению японского нападения, которое могло начаться в любой момент, из 5 493 тыс. человек общего состава вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке и у южных границ находилось 1 568 тыс., или свыше 28 процентов. Из 4495 танков, имевшихся на вооружении Красной армии в то время, на Дальнем Востоке и у южных границ находился 2541 танк, из 5274 самолетов там же оставался 2951 самолет.²⁵

15 мая 1942 г., все еще надеясь на помощь Японии с Востока, посол Германии в Японии О.Отт доносил в Берлин: «...Японское правительство всегда имеет в виду расширение военных приготовлений (против СССР)..., а также для того, чтобы связать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в войне с Германией».²⁶ Есть все основания считать, что проводимая в военные годы антисоветская политика и военная стратегия милитаристской Японии вели к затягиванию Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом, увеличению жертв советского и других народов.

И отнюдь не Пакт о нейтралитете удерживал японское военнополитическое руководство от удара по Советскому Союзу с Востока, как пытаются утверждать японские историки правого направления и некоторые их сторонники в нашей стране. Агрессивные японские планы были сорваны героическими защитниками Москвы, а затем Сталинграда. Этого не могут отрицать современные японские военные историки. Они признают: «В основе отношений между Японией и Германией лежала общая цель – сокрушить Советский Союз... В военном министерстве считали, что Япония должна способствовать военным успехам германской армии... Подвернувшись Тройственному пакту понималось стремление не уступить Англии и США, обуздать их силы в Восточной Азии, сковать советские войска на Дальнем Востоке и, воспользовавшись удобным моментом, разгромить ее».27

Разгром германских войск в Сталинградской битве убедил японских политиков и генералов в том, что столь ожидаемый ими момент, когда СССР, «подобно спелой хурме упадет к их ногам», не наступит. Составители насчитывающей свыше ста томов японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» приходят к выводу: «Советский Союз, ведя оборонительную войну против Германии, не ослабил свои военные силы на Востоке, сохранив группировку, равную Квантунской армии. Таким образом, Советскому Союзу удалось достичь цели – оборона на Востоке, избежав войны... Главным фактором явилось то, что Советский Союз, обладая огромной территорией и многочисленным населением, за годы предвоенных пятилеток превратился в мощную экономическую и военную державу».28

Грандиозная победа Красной Армии в Сталинградской битве посеяла у японского руководства серьезные опасения по поводу того, что, перейдя в

контрнаступление, советские войска нанесут поражение германской армии, после чего могут придти на помощь союзникам в войне против Японии. С целью не допустить этого в Токио родилась идея выступить посредником для «примирения» Советского Союза с Германией. Однако эта затея провалилась.

В результате очередной победы советских вооруженных сил летом 1943 г. в Курской битве соотношение сил на советско-германском фронте окончательно изменилось в пользу СССР. После этого японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались не наступательные, а оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом.

Политическое решение высшего японского руководства о нападении на СССР в случае успеха немецких войск на советско-германском фронте, активная подготовка к нанесению удара по Советскому Союзу с Востока, разработка планов разграбления нашей страны явились грубым нарушением положений заключенного в апреле 1941 г. Советско-японского пакта о нейтралитете. Это лишает современную Японию права, ссылаясь на него, выдвигать различные претензии к России, в том числе территориальные.

Примечания

1.Дайтоа сэно кокан сэн си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Часть 2. Токио, 1974. С.91).

2.Дайтоа сэно кокан сэн си. Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Часть 2. Токио, 1968. С.367.

3.Д.И.Гольдберг. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1959. С.169.

4.Кантогун. Часть 2. С.83.

5.Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Хокуто хомэн рикугун сакусэн (Операции сухопутных войск на Северо-Восточном направлении). Токио, 1968. С.41.

6. Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С.353-354.

7.Фудзивара Акира.Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С.81.

8.Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т.1. М., 1984. С.156.

9.Русский архив. Великая Отечественная. Т.18. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С.196-202.

10.Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941 – 1945 гг. Пер. с яп. М., 1973. С.192.

11.Кантогун. Часть 2.С.95.

12.Краснознаменный Дальневосточный. История КДВО. М., 1971. С.184.

13.«Это было смелое решение, так как самостоятельные военные формирования были в то время строжайше запрещены, и органы снабжения и тыла Красной Армии не выделяли на новые дивизии ДВФ ни оружия, ни продовольствия, ни одежды. Конечно, в Москве не могли не знать о смелой инициативе командующего фронтом. На нее смотрели как бы сквозь пальцы. Она не была ни одобрена, ни осуждена. По свидетельству бывшего

начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии М.А. Моисеева, у Ставки и Генерального штаба просто не было необходимых ресурсов для оснащения новых не предусмотренных централизованными планами военных формирований. Позицию Москвы можно было бы определить примерно так: мы не возражаем против инициативы Апанасенко, но пусть он сам находит выход из трудного положения.

И генерал Апанасенко развил бурную деятельность. Была расширена подготовка новобранцев, молодые призывники прибывали в части ДВФ даже из Москвы. На Дальнем Востоке и в Сибири стали призывать на военную службу мужчин 50-55-летнего возраста, всех тех, кто мог носить в руках оружие». («Российская газета», 16 мая 2000 г.)

14.Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С.156.

15.Дайхонъэй рикугун бу. Часть 4.Токио, 1972. С.404.

16.Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.7867, оп.1. д.275, л.84.

17. Нихон но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С.183.

18. Там же. С.183-184.

19.А.С.Савин. Срыв планов агрессии Японии против СССР в 1942 – 1943 гг. Военно-исторический журнал. 1983, №1. С.51.

20. Кантогун. Часть 2.С.93.

21. Моримура Сэйити. Акума но хосёку (Ненасытность дьявола). Токио, 1983. С.178.

22.Там же. С.198-199.

23. ГАРФ, ф.7867, оп.1. д.275, л.83.

24. Там же, л.87-88.

25.История Второй мировой войны 1939 – 1945. Т.4. М., 1975. С.272.

26.ГАРФ, ф.7867, оп.1, д.275, л.172-173.

27. Кантогун. Часть 2. С.53-54.

28.Там же. С.78

Анатолий Кошкин, доктор исторический наук, профессор Института стран Востока